

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС О ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ

Целина Бобинская

Отношение К. Маркса и Ф. Энгельса к польскому национально-освободительному движению в XIX в. всегда являлось очень важным вопросом для всех поколений польских революционеров, для польского рабочего движения.

Следует помнить, что для классиков марксизма это был один из существенных вопросов европейской революции. Маркс и Энгельс, занимаясь практическими и теоретическими вопросами общеевропейского демократического и пролетарского движения, неустанно работали над развитием его стратегии и тактики. Анализируя соотношение сил революции и контрреволюции в Европе, они учитывали временных и постоянных союзников рабочего класса в различных странах, тщательно изучали специфические черты каждой отдельной страны, особенности ее прогрессивных движений, различные формы буржуазной демократии, проявлявшейся в этих движениях, безошибочно определяя среди них те, которые заслуживали поддержки.

Будучи решительными противниками любого гнета и горячими сторонниками всякой справедливой борьбы за свободу, они рассматривали национальное движение каждого народа с точки зрения общих интересов революции и прогресса. В этом заключалась глубокая сущность их интернационализма.

Выражая горячие симпатии польскому национально-освободительному движению, Маркс и Энгельс подходили к определению его роли и значения всегда с точки зрения интересов европейского пролетариата, международного революционного движения. Поэтому, анализируя избранную нами проблему, мы исходили из требований марксистского метода, который не позволяет рассматривать польский вопрос вне его общих исторических и политических связей. Необходимо также учитывать, что польский вопрос в ходе исторического процесса сам подвергался постоянным изменениям.

В соответствии со своим методом исторического исследования общественных явлений Маркс и Энгельс интересовались тем периодом истории Польши, когда создавались непосредственные предпосылки для польского национально-освободительного движения XIX в., то есть эпохой разделов Польши. Маркс и Энгельс отмечали две стороны процесса упадка шляхетской республики: рост могущества аристократии и разложение центральной государственной власти и слабость, беззащитность городов и буржуазии¹. Этим внутренним явлениям сопутствовало упрочение соседних феодальных монархий, «добычей» которых вскоре и стала Польша.

Маркс и Энгельс писали, что многонациональный состав страны затруднял осуществление прогрессивных реформ в Польше конца XVIII в., что польская шляхта и возглавляемое ею государство угнетали другие народы. Осуждая разделы Польши, Энгельс констатировал, что восста-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 5, изд. 2-е, стр. 367; т. XIII, ч. I, стр. 159; т. XVI, ч. 2, стр. 10.

новление ее в старых границах означало бы воссоздание такой державы, которая состояла, по крайней мере, из четырех различных национальностей². Основоположники марксизма отрицательно относились к претензиям тех польских эмигрантов, которые требовали восстановления Польши в ее старых границах. Они обращали также внимание на то, что классовая борьба тесно переплеталась с национальным конфликтом между шляхетским государством и угнетаемыми им народами и религиозными антагонизмами. Особенно отчетливо проявлялось это на Украине, где, как подчеркивал Энгельс, господствовавшему классу — католической польской шляхте — противостояло украинское православное крестьянство.

Указывая, что виновником упадка Польши являлся класс феодалов, Маркс и Энгельс различали внутри этого класса отдельные группы, не только реакционные, но и прогрессивные, боровшиеся разными методами за свои интересы. Аристократия поддерживала анархию в стране и в страхе перед внутренней революцией призвала иностранную контрреволюцию. Именно аристократы «несомненно погубили Польшу»³. Некоторые элементы из срединей и мелкой шляхты возглавили прогрессивное для того времени движение за укрепление государства, за упрочение национальной независимости. В таком дифференцированном подходе Маркса и Энгельса к истории Польши периода разделов заключалось коренное отличие их взглядов от позиции современных им прусских шовинистов.

К. Маркс и Ф. Энгельс видели, что наряду с упадком и вырождением господствовавшего класса происходил процесс формирования и развития движения, которое соединяло усилия к сохранению независимости с борьбой против внутренней реакции. С этой точки зрения они оценивали конституцию 3 мая 1791 г. как «первую попытку преобразования»⁴. Уже в данном движении за реформы в конце XVIII в. и особенно в восстании Костюшко 1794 г. классики марксизма различали общие для всей Европы революционные процессы и неоднократно отмечали, что события в Польше утвердили знамя французской революции над Вислой и спасли Францию от интервенции реакционной коалиции с участием царской России⁵.

Поэтому-то, подчеркивая революционные черты в развитии польского общества, «*Neue Rheinische Zeitung*» едко высмеяла в 1848 г. прусских реакционных историков Стецеля и Зибеля, оправдывавших разделы Польши и считавших их прогрессивным, благородным делом, которое якобы пошло на пользу польским крестьянам.

Высказывания Маркса и Энгельса по истории Польши неопределимы для историков-марксистов. Они имеют все достоинства подлинного исторического свидетельства и одновременно превосходят точностью анализа и научной оценкой происходивших событий как современных им политиков, так и позднейших историков.

Однако в последние годы среди польских историков раздавались голоса, ставившие под сомнение ценность для современной науки ряда суждений классиков марксизма о Польше и целесообразность применения их оценок, которые будто бы «устарели». Польские историки-марксисты, отвергая ранее часто практиковавшееся цитатничество, которым немалое число авторов пыталось прикрыть отсутствие в их работах конкретного исторического анализа, в то же время решительно выступили против попыток подобного обесценивания классического марксистского наследия.

Суждения Маркса и Энгельса по вопросам истории являются образцами подлинно научного исторического мышления. Эти суждения поло-

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. 1, стр. 158.

³ Там же, стр. 159.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 5, стр. 352.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 2, стр. 16.

жили начало польской марксистской исторической школе и служат доказательством жизненности метода, благодаря которому анализ исторического процесса, сделанный сто лет назад, имеет непреходящую ценность. Творческое следование общим методологическим указаниям, вытекающим из конкретных исторических оценок Маркса и Энгельса, обогащает историка-исследователя, открывает перед ним новые перспективы.

Классики марксизма постоянно подчеркивали, что разделы Польши, представляя собой политическое преступление держав Священного союза, составляли основу этого реакционного политического и военного блока, направленного как против всех очагов революции в Европе, так и против национального возрождения Польши. В самой Польше период разделов совпал с эпохой вызревания капитализма, с началом буржуазного развития страны и образования экономического, политического и культурного единства народа. Борьба за национальное освобождение, за воссоединение в единое целое всех разрозненных частей Польши была исторической необходимостью, являлась результатом внутреннего экономического и политического развития польского общества. Польские крестьяне страдали не только от ига помещиков, но и от национального гнета. История Польши в XIX в. была наполнена борьбой крестьянских масс против феодальных отношений, против помещичьих фольварков, за крестьянскую собственность, за землю; развивалось и рабочее движение. Таким образом, в силу объективных условий в Польше тогда должны были одновременно решаться две основные задачи: антифеодалная социальная революция и национальное освобождение. Именно в этом соединении национальной борьбы с борьбой социальной, проявившемся во время следовавших одно за другим восстаний, заключалось главное значение польского движения и таившаяся в нем опасность для реакционных правительств стран Священного союза, бывших одновременно участниками разделов Польши.

Когда классики марксизма указывали, что Польша в середине XIX в. являлась революционной частью России, Австрии и Пруссии, они имели в виду прежде всего сходство общественно-экономической структуры Королевства Польского и стран Священного союза. В этих странах так же, как и в Польше, господствовал феодальный гнет, существовала барщина. Все это выдвигало здесь на повестку дня буржуазно-демократические преобразования. Крестьянские массы составляли самую большую потенциальную силу антифеодалной революции. Поэтому в период революции 1848 г. Маркс и Энгельс предполагали, что в российскую, прусскую и австрийскую деревни, пережившие уже ряд крупных крестьянских восстаний, может перекинуться огонь каждого очередного польского восстания, если бы оно приобрело черты аграрной революции. Польша живо откликалась на каждую революционную волну в тогдашних очагах революции — во Франции и Германии.

Польские национально-освободительные восстания вспыхивали каждый раз в годы европейских революционных подъемов — в 1794, 1846—1848, 1863 годах. Роль Польши как заслона европейских очагов революции от контрреволюции, идущей из стран Священного союза, часто подчеркивалась классиками марксизма. Этим объективным историческим значением польских движений, которое было в некотором смысле обусловлено географическим положением страны, находившейся в центре лагеря тогдашней реакции, объясняется популярность польского вопроса в прогрессивных и революционных кругах. Передовые массы Европы, требуя в 1848 г. от буржуазных правительств, пришедших к власти в результате революции, решительных действий в пользу Польши, сделали из

польского вопроса, как это отмечал Маркс в 1856 г., «внешний» термометр европейской революции⁶.

Освободительной борьбе трудящихся масс Польши оказывало поддержку со дня его возникновения революционное рабочее движение Западной Европы. Вожди пролетариата рассматривали польский вопрос как часть общедемократической европейской программы.

Однако от внимания Маркса и Энгельса не ускользало и то, что международное революционно-демократическое значение польских восстаний перерастало в большей или меньшей степени их внутреннее революционное значение, которое постоянно ограничивалось из-за участия в руководстве восстаниями представителей феодального класса. Поэтому наряду с высокими похвалами польскому революционному движению основоположники марксизма многократно указывали на роковое значение для этого движения руководства шляхты⁷.

Подмечая постепенное развитие в польских шляхетских восстаниях революционных политических групп, Маркс и Энгельс видели центральную стратегическую проблему революционного движения в Польше, как и в России, в аграрной революции: «Великие земледельческие страны между Балтийским и Черным морем могут избавиться от патриархально-феодального варварства только посредством аграрной революции, превращающей крепостных или обязанных повинностями крестьян в свободных землевладельцев,— революции, вполне аналогичной с французской революцией 1789 г. в деревне»⁸.

Аграрная революция, рассматриваемая в отношении Восточной Европы как историческая перспектива, имела особое значение для Польши. Маркс и Энгельс считали, что только революционное движение масс будет в состоянии сбросить ярмо национального гнета, сможет дать отпор объединенным армиям трех великих держав и завоевать Польше полную независимость.

В последнее время некоторые историки высказывали сомнения относительно того, соответствовала ли марксистская концепция аграрной революции действительному направлению польской истории. В качестве аргументов приводились известные факты о том, что происходившие с 1830 по 1863 г. в различных частях Польши крестьянские восстания не переросли в аграрную революцию. Отсюда делался вывод, что теория аграрной революции Маркса была теоретической схемой, якобы противоречившей историческому процессу.

В основу этих суждений легло полное непонимание существа марксовы обобщений: тезис об аграрной революции не был целью, которая могла быть достигнута автоматически, независимо от общественной борьбы. Аграрная революция являлась реальной, но отнюдь не единственной исторической возможностью. Ее предпосылки лежали в объективно существовавших общественно-экономических потребностях, в развитии капитализма, взрывавшем феодальные связи, в стихийном стремлении масс, в их возраставшей борьбе с помещичьим фольварком. Осуществление ее зависело прежде всего от революционных сил Польши, от того, сумеют ли они сформировать политический лагерь, способный возглавить стихийное движение, высвободить потенциальные народные силы, дать крестьянским массам политическую и национальную программу, отвечающую их классовым стремлениям. Задача движения своди-

⁶ «...При моих последних занятиях польской историей меня, впрочем, решительным образом настроил в пользу Польши тот исторический факт, что сила и жизненность всех революций, начиная с 1789 г., довольно точно измеряется их отношением к Польше. Польша — их «внешний» термометр. Это можно подробно показать на примере французской истории», — писал Маркс Энгельсу 2 декабря 1856 года. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат. 1947, стр. 89.

⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, изд. 2-е, стр. 395.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 5, стр. 352.

лась к тому, чтобы направить удар масс одновременно как против отечественных помещиков, так и против иноземных угнетателей.

Реакционный лагерь в польском обществе, все консервативные политические центры в Польше и в эмиграции боролись против реализации этой объективной исторической тенденции. Сторонники князя Чарторыйского в Париже действовали в том направлении, чтобы разрешить аграрный вопрос «сверху», постепенно вводя отдельные капиталистические реформы и спасая тем самым крупную фольварочную собственность. В политическом отношении подобной концепции отвечала многолетняя дипломатическая игра, которую вело окружение Чарторыйского, стремясь добиться независимости Польши при помощи торгов и интриг в приемных европейских дворах и министерств.

Маркс и Энгельс, внимательно наблюдая за событиями в Польше, оценивали действия отдельных лиц и их программы с точки зрения того, в какой степени они содействуют объединению национального движения с «аграрной революцией», каково их влияние на вызревание в стране «якобинской» аграрной демократии. Центральным и решающим был для них вопрос о классовой сущности польского национального движения; под этим углом зрения они наблюдали за конспиративной и повстанческой деятельностью в Польше и оценивали ее.

Подчеркивая шляхетский, «консервативный» характер восстания 1830—1831 гг., отмечая слабость левой оппозиции в нем, К. Маркс и Ф. Энгельс в то же время увидели в выдающемся польском общественном деятеле и историке И. Лелевеле «того гениального человека», который «хотел превратить национальную борьбу в борьбу за свободу», дать гражданские права крестьянам, развить революционное наступление.

Наиболее высоко оценили классики марксизма восстание 1846 г., в котором аграрно-демократическое движение перестало быть только оппозицией и атаковало с демократической смелостью, сходной с отвагой пролетариата, сразу три державы, провозглашая «свободу крестьян, аграрную реформу, гражданское равенство евреев, нисколько не смущаясь тем, что это могло бы задеть те или иные аристократические интересы»⁹.

Выступая 22 февраля 1848 г. на торжественном собрании в Брюсселе, посвященном 2-й годовщине краковского восстания 1846 г., Маркс усматривал в действиях краковских повстанцев прежде всего соединение борьбы за национальное освобождение с аграрной революцией. Он говорил: «Люди, которые стояли во главе краковского революционного движения, были глубоко убеждены в том, что только демократическая Польша может быть независимой и что польская демократия невозможна без уничтожения феодальных прав, без аграрного движения, которое превратило бы крепостных крестьян в свободных собственников, собственников современных»¹⁰.

Это выступление Маркса только на 48 часов опередило начало Февральской революции в Париже; воздух был насыщен революционной грозой. Предстояла борьба за руководство европейской революцией. В кратковременной краковской вспышке Маркс видел заслуживающую внимания попытку осуществления плебейского метода революционной борьбы. Он подчеркивал, что «краковская революция дала славный пример всей Европе, отождествив национальное дело с делом демократии и с освобождением угнетенного класса»¹¹.

Краковские повстанцы были союзниками не только брюссельской «Демократической ассоциации» или «Братских демократов» в Лондоне, но и группы будущих редакторов «*Neue Rheinische Zeitung*» — вождей «Союза коммунистов». Это нашло выражение и в «Манифесте Комму-

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, изд. 2-е, стр. 492—493.

¹⁰ Там же, стр. 490.

¹¹ Там же.

нистической партии». «Среди поляков,— писали в нем Маркс и Энгельс,— коммунисты поддерживают партию, которая ставит аграрную революцию условием национального освобождения, ту самую партию, которая вызвала краковское восстание 1846 года»¹².

Маркс обращал внимание на «социалистические требования»¹³, социалистические черты краковского восстания, имея, очевидно, в виду проявление стихийных социалистических стремлений крестьянских, плебейских, предпролетарских масс, которые проявились в таких лозунгах восстания, как «Право всех на труд», «Устройство народных мастерских». Безоговорочная поддержка краковского восстания вождями пролетариата была обусловлена прежде всего тем, что оно залпами баррикад возвестило о рождении в Польше политического течения, отражавшего крестьянские интересы. Это течение Маркс рассматривал как основное и необходимое звено в революционном развитии Польши. В ноябре 1847 г. на митинге в Лондоне, организованном английскими чартистами в честь 17-й годовщины польского восстания 1830 г., Маркс впервые сформулировал программные установки пролетариата по национальному вопросу вообще и по польскому в частности. Он отмечал зависимость судеб угнетенных народов от успеха борьбы пролетариата: «...победа английских пролетариев над английской буржуазией имеет решающее значение для победы всех угнетенных над их угнетателями»¹⁴. Эта победа неизбежно оказала бы огромное влияние и на судьбы Польши.

Настал бурный 1848 год. Почти одновременно с революцией в Берлине вспыхнуло восстание в Познани, ставшее тогда одним из первых революционных очагов на востоке Европы. Революционный лагерь, борющийся за дальнейшее развертывание революции, проводил свою международную политику, противостоявшую официальной дипломатии.

Польский вопрос сразу же стал одним из наиболее популярных и существенных вопросов международной политики демократических сил и особенно их крайнего левого крыла, которое составляло рабочее движение.

Как известно, уже в первые недели революционных боев, когда не ликвидированные, а только отодвинутые в тень и охраняемые трусливыми правительствами либералов контрреволюционные элементы поднимали головы, Маркс говорил о необходимости мощного толчка для пробуждения революционной энергии немецкого народа, чтобы довести до конца революционный переворот и объединить Германию «снизу».

Таким фактором могла явиться революционная война против царизма, а одним из ее основных лозунгов, по плану Маркса, должен был стать лозунг освобождения Польши от иноземного гнета. Развернувшаяся в Познани национально-освободительная борьба могла послужить сигналом к такой войне.

Революционная война, нанося удары всем трем державам Священного союза, заставила бы реакционные силы Пруссии отказаться от угнетения захваченной во время разделов части польских земель, которые составляли основу классовой и государственной мощи прусских юнкеров. Революционная война подорвала бы господство Пруссии в Германии, содействовала бы ликвидации прусского государства и сделала бы возможным воссоединение Германии демократическим путем. Это имело бы огромное значение для судеб Европы, так как Германия становилась главным очагом европейской революции. С другой стороны, такая революционная война в соединении с национально-освободительным движением поля-

¹² Там же, стр. 458.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 551.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 372.

ков могла бы перерасти в аграрную революцию, а это привело бы к созданию демократического польского государства.

Несколько лет спустя Маркс и Энгельс, исследовав национальный и социальный состав бывших восточных частей Польши, отчетливо определили свое отношение к реакционному требованию воссоединения польских земель в старых границах. Классики марксизма констатировали тогда, что Польша не имеет никаких прав на земли на востоке, находившиеся прежде в руках польских магнатов, поскольку «все крестьяне там украинцы, поляками же являются только дворяне и отчасти горожане»¹⁵. В статьях же «*Neue Rheinische Zeitung*», направленных прежде всего против прусского шовинизма, Маркс и Энгельс, требуя восстановления «статус кво» до 1772 г., делали упор прежде всего на возврат старых польских земель, захваченных Пруссией, они настаивали на возвращении «всего того, что немцы награбили у поляков с 1772 года»¹⁶, подчеркивали, что Польше необходимо вернуть исторически и экономически с ней связанное Балтийское побережье, естественный выход к морю — порты в устьях польских рек.

Программа, выдвинутая основоположниками марксизма, коренным образом отличалась от позиции немецких либералов, которые сочетали общие слова о симпатии к полякам и о поддержке их в борьбе за освобождение польских земель, находившихся под владычеством царской России, с убеждением, что земли, захваченные Пруссией, должны остаться немецкими. Подобную политику проводили и некоторые польские круги. Князь А. Чарторыйский, провозглашенный польской реакцией «некоронованным польским королем», игнорируя революцию в Германии и познанское восстание, вел переговоры в Берлине о создании в Познани маленького автономного государства, связанного с Пруссией династической унией. Иначе говоря, его позиция целиком совпадала в лучшем случае с планами прусских либералов. А «революционный генерал» Л. Мерославский, став во главе познанского восстания, провозгласил борьбу исключительно только за освобождение территории бывшего Королевства Польского из-под власти русского царизма. Он не призывал к борьбе с непосредственными угнетателями, с прусскими юнкерами, а предпочитал с ними заигрывать. Таким образом, тогдашняя политическая игра различных лагерей в Германии и Польше подтверждала положение «*Neue Rheinische Zeitung*» о том, что только из революционной бури, из братского союза немецких, польских и русских революционных масс может родиться независимое польское государство. Закулисные интриги реакционеров всех мастей создавали угрозу появления какого-то осколочного, уродливого творения, полностью зависимого от реакционных сил Европы и сохранявшего феодальную, шляхетскую социальную структуру.

Концепция создателей «Союза коммунистов» исключала какой бы то ни было компромисс с прусским национализмом. В неблагоприятной обстановке лета 1848 г., когда в Германии либеральные фразы уступили место воинствующему прусскому шовинизму, когда познанское движение было уже расстреляно картечью генерала Пфуля, «*Neue Rheinische Zeitung*» провозгласила свою «польскую» программу — программу открытой борьбы по польскому вопросу против реакционного большинства обоих немецких парламентов.

Ведь франкфуртское и берлинское собрания дебатировали вопрос о «реорганизации» Познанского княжества в то время, когда эта «реорганизация» фактически осуществлялась прусской военщиной посредством постепенного продвижения границы княжества в восточном направлении

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 68. Энгельс — Вейдемейеру 12 апреля 1853 года.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 5, стр. 345.

и была, по существу, не чем иным, как повторным включением Познани в состав Пруссии.

«*Neue Rheinische Zeitung*» показала контрреволюционный характер этой «реорганизации»¹⁷. Разоблачая легенду о благодеяниях «немецкой цивилизации» для поляков на территориях, захваченных Пруссией, «*Neue Rheinische Zeitung*» писала, что немецкие «цивилизаторы» могли экспортировать в Познань только жестокий гнет немецких феодалов. Пламенные статьи газеты по польскому вопросу воочию показали, что каждое выступление против познанского движения являлось одновременно очередным ударом в сердце немецкой революции.

В последний период существования «*Neue Rheinische Zeitung*» редактор газеты и друг К. Маркса В. Вольф в серии статей под заглавием «Прусский миллиард» вскрыл истинные отношения в силезской деревне: страшное угнетение польских крестьян прусским юнкерством и прусской бюрократией.

В 1848 г. «*Neue Rheinische Zeitung*», требуя уменьшения германских владений, передачи угнетенному польскому народу важных с экономической и стратегической точек зрения территорий и доказывая, что в этом была заинтересована сама Германия, демонстрировала народный демократический патриотизм, принципиально враждебный немецкому и прусскому шовинизму, патриотизм, характеризующийся братским отношением к угнетенным Германией народам. В статьях по польскому вопросу «*Neue Rheinische Zeitung*» дала классический пример последовательной интернационалистической и патриотической позиции.

В 1848 г. на примере польского вопроса последовательно революционное немецкое движение наглядно разоблачало «малодушное филистерство» немецкой буржуазии. «*Neue Rheinische Zeitung*» в статьях, выходящих из-под пера Энгельса, показывала в острой иронической форме, как «вялая болтовня» и «чувствительные фразы» немецких либералов, во всем уступавших прусской реакции, стали главной причиной бесславной капитуляции немецкой революции перед контрреволюционной военной в Познани.

Оставаясь, по существу, шовинистами, не желавшими поступаться прусской добычей, либералы враждебно относились к борющимся в Познани польским крестьянам. С каждым днем становилось все более ясным, что либералы прежде всего опасались объединения революционных сил Германии с восстанием в Познанском княжестве. Разоблачая подлинную сущность правых группировок германского общества и предательство либералов, «*Neue Rheinische Zeitung*» одновременно подвергла суровой критике позицию Р. Блюма и А. Руге, сентиментально-чувствительную на словах, а на деле полную конституционных иллюзий, колебаний и оппортунизма по отношению к немецкой реакции. Газета критиковала их также за то, что они недооценивали общественное значение польского национального движения, усматривая в нем лишь средневековый рыцарский романтизм.

Вожди «Союза коммунистов» с удовлетворением писали о боевых революционных качествах крестьянских повстанческих отрядов в Великой Польше, которые, вооруженные пиками и косами, «дважды разбивают и дважды принуждают к отступлению 20 000 пруссаков»¹⁸. С чувством горячей симпатии к мужеству повстанческих отрядов писала «*Neue Rheinische Zeitung*» о позорном поведении немецкой контрреволюции под Милославом и Вжесней¹⁹.

Интернационалистическая позиция газеты, исходившая из убеждения в необходимости революционного союза немцев и поляков, отражала, с

¹⁷ См. там же, стр. 54—55.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 6, изд. 2-е, стр. 172.

¹⁹ См. там же.

одной стороны, стихийные настроения революционных масс Берлина, которые в первый же день революции освободили из тюрьмы польских узников, приговоренных к смерти, радостно их приветствуя, а с другой — стремление познанских крестьян-косинеров во главе с Кротовским и другими радикалами к объединению с немецкой революцией. Маркс и Энгельс противопоставляли двусмысленной политике Мерославского и нерешительным действиям Познанского национального комитета революционную энергию повстанцев, которые стихийно боролись не только против царских сатрапов, но прежде всего против своих непосредственных угнетателей — прусских захватчиков, за полную независимость Польши. Революционные массы Познани стремились к братству и сотрудничеству с германскими революционерами и немецким освободительным движением. Именно эти стремления восставших были наиболее близки тем идеям, которые в далеком Кельне выражала газета, возглавлявшаяся Марксом.

При всем уважении классиков марксизма к революционным заслугам польской эмиграции краковское и познанское восстания еще более убедили их в том, что исторические судьбы польского народа решаются не за границей, а в ходе социальной и освободительной борьбы в самой Польше.

Для них было бесспорно, что превосходство и ведущая роль принадлежат революционным силам, находившимся внутри Польши, а не за ее пределами. «В польской эмиграции найдется не мало людей с аристократическими поползновениями; но как только в движение вступает сама Польша, оно становится насквозь революционным, как мы видели в 1846 и 1863 годах. Эти движения были не только национальными, они были в то же время прямо направлены к освобождению крестьян и к передаче земли в их собственность»²⁰.

Это высказывание относится к более позднему периоду. Однако еще в 1848 г. в полемике с Руге Ф. Энгельс решительно подчеркивал, что «неэмигрировавшие поляки гораздо лучше познали потребности Польши», чем польские эмигранты. Именно заслугой первых являлось движение «аграрной демократии».

В наши дни такой взгляд кажется естественным. Однако еще в довоенной польской историографии и в первые послевоенные годы преобладало мнение о ведущей роли в революционном развитии Польши «великой эмиграции» 1832—1863 гг., которую историки рассматривали как признанного руководителя и вдохновителя движения внутри страны. В то же время классики марксизма уже сто лет назад сумели глубоко и всесторонне проанализировать взаимоотношения сил, действовавших в самой Польше и эмиграции.

Кроме отрывочных сведений о личных контактах Маркса с Лелевелем, Костецким и другими, мы пока еще не много знаем о связях Маркса и его газеты с поляками в этот период. Некоторые факты свидетельствуют о том, что точка зрения «*Neue Rheinische Zeitung*» по польскому вопросу находила живой отклик среди польских демократов. В корреспонденции Маркса мы находим упоминание о денежной помощи газете со стороны поляков в то время, когда от нее отвернулись все буржуазные акционеры²¹.

Итак, статьи, письма и речи штурманов молодого пролетарского движения этого периода воочию убеждают в том, что революция 1846—1848 гг. являлась кульминационным моментом эпохи, в которой польский вопрос, как подчеркивал Маркс, имел «исключительное значение».

Но даже в этот момент поддержка национально-освободительной борьбы в Польше рабочим движением не была безоговорочной. Выдвигая

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 222.

²¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 103.

для этой страны максимальную в государственном и географическом отношении программу, передовые пролетарии и их вожди имели в виду только революционную Польшу. Энгельс вспоминал, что «*Neue Rheinische Zeitung*» требовала восстановления Польши «в соответствующих границах, и то под условием аграрной революции»²².

Об этом же он писал Марксу 23 мая 1851 года. В указанном письме Энгельс с гениальной прозорливостью предсказывал, что аграрная революция произойдет в России раньше, чем в Польше²³. Но при этом он отрицал наличие элементов социального прогресса и даже перспективы исторического развития польской нации. В будущем, в случае революции в России и Германии, Энгельс считал возможным расширение этих стран за счет Польши. Данное письмо еще до войны фигурировало в польской буржуазной историографии как якобы пример «национализма» Энгельса. И в наше время можно встретиться с подобным толкованием этого письма, особенно среди научной молодежи.

Правильно истолковать упомянутое письмо можно, лишь рассматривая его в связи с эпохой и событиями, к которым оно относилось, а также в связи с другими многочисленными и последовательно дружескими высказываниями Энгельса о Польше. Думается, что в данном случае временное разочарование в польском революционном движении вследствие того, что в Польше не осуществилась аграрная революция, способствовало появлению этого письма.

Как известно, история доказала, что в этом вопросе Энгельс заблуждался. Эти частные высказывания следует рассматривать и оценивать только на фоне всей многолетней благородной и последовательной борьбы Энгельса за интересы угнетенного польского народа.

Рассмотрение указанного письма в отрыве, например, от смелых выступлений Ф. Энгельса в защиту Польши в статьях «*Neue Rheinische Zeitung*», выдергивание его из общей исторической связи не выдерживает критики и может быть лишь умышленным искажением позиции Ф. Энгельса по польскому вопросу в целом.

Конец 50-х годов XIX в. ознаменовался предвиденными Марксом экономическим кризисом, ростом революционного движения в ряде европейских стран. Крымская война поколебала могущество царизма и положила начало его постепенному ослаблению как твердыни европейской реакции. Начавшийся в России революционный кризис углублял этот процесс. Он существенным образом определял общую стратегическую ситуацию польского восстания 1863 г., которое было едва ли не последним значительным событием революционного подъема и нашло тотчас же свое отражение в переписке и публицистических выступлениях Маркса и Энгельса по польскому вопросу.

В статьях, написанных в октябре — декабре 1858 г.²⁴, Маркс выдвинул тезис о том, что в России развиваются предпосылки буржуазно-демократической революции. С этого момента нараставшее революционное движение в Польше классики марксизма рассматривали параллельно с развитием революционной ситуации в России.

Начало варшавских демонстраций совпало с наивысшим подъемом крестьянских волнений в Российской империи. Энгельс писал Марксу в ноябре 1861 г., что «в России и Польше дела идут хорошо, а в нашей милой Пруссии, наверно, также, наконец, наступит кризис»²⁵. Он имел в виду совокупность всех событий в этих странах: крестьянские восстания в

²² Там же, стр. 211.

²³ См. там же.

²⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, стр. 605—608, 692—701.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 48.

России, напряженную ситуацию в Варшаве, волнения в польской деревне, а также начало буржуазной фронды прогрессистов в Берлине.

Вести о восстании 1863 г. застали Маркса больным, а Ф. Энгельса — остро переживавшим смерть жены. Но известие о польском восстании подействовало на них ободряюще. В феврале 1863 г. Маркс спрашивал Энгельса: «Что ты скажешь по поводу польской истории? Ясно одно: в Европе опять более или менее *fairly opened the era of revolution*»²⁶ (широко открылась эра революции). При изучении переписки между Марксом и Энгельсом поражает то обстоятельство, что, находясь в условиях английской эмиграции, далеко от Польши и России, они быстро заметили то новое и решающее в польском восстании, каким была реальная возможность и вместе с тем необходимость для Польши совместных действий с русской революцией.

В 1848 г. редакторы «*Neue Rheinische Zeitung*», горячо сочувствуя познанскому восстанию, ясно видели и теоретически обосновали то, к чему стихийно стремились демократические группы этого восстания. В 1863 г. их требования и пожелания по отношению к повстанцам поразительно совпадали с чаяниями польских и русских революционных демократов. Известно, что наиболее выдающиеся и дальновидные польские и русские революционеры настойчиво добивались слияния воедино революционной волны в России и Польше. Они хотели, чтобы польское восстание стало стимулом для революционирования крестьянских масс в России, в свою очередь, получив могучую поддержку с их стороны. Деятели лагеря «красных», стремившиеся превратить восстание в демократическую революцию, в большинстве своем прошли философскую и политическую школу Н. Г. Чернышевского. Отсюда их близость к русской революционной демократии, особенно в крестьянском и национальном вопросах. Не случайно польская реакция обвиняла «красных» в «московском революционизме». Общность революционного сознания немало повлияла на то, что взгляды «красных» с начала 60-х годов были обращены к России, потрясаемой революционными выступлениями. Волна крестьянских восстаний в этой стране, деятельность «Земли и воли», готовившей революционный взрыв, вселяла надежду на скорое падение царизма. «Красные» ясно сознавали, что на сцену выступает новый могучий союзник польского национально-освободительного движения. Наступил период практического революционного сотрудничества между «Землей и волей», группой «Колокола», с одной стороны, и Центральным комитетом «красных» в Варшаве — с другой. Наиболее ощутимым его результатом был договор, заключенный осенью 1862 г. между А. И. Герценом, Н. П. Огаревым и двумя делегатами «красных». Русские революционные офицеры, служившие в Королевстве Польском, работали рука об руку с польскими конспираторами и готовились выступить с оружием в руках вместе с поляками. Предательство и аресты сорвали этот план²⁷.

Надо полагать, что известия, получаемые Марксом и Энгельсом о политическом лагере, который в современной историографии называют «левым крылом красных», были отрывочными и доходили к ним зачастую из вторых и третьих рук. К тому же между Марксом и издателями «Колокола» в тот период не было личных связей. Тем более поразительно совпадение не только общих тезисов польского и русского движения, но и конкретных соображений Маркса и Энгельса с планами русского революционного лагеря и Центрального комитета «красных» в Варшаве.

Как теперь известно, русские и польские революционные демократы стремились согласовать сроки выступления таким образом, чтобы революционная волна в обеих странах совпала и польское восстание началось

²⁶ Там же, стр. 133—134.

²⁷ J. Kowalski. Rewolucyjna demokracja rosyjska a powstanie styczniowe. Warszawa, 1949, s. 163.

в момент, который мог быть использован как сигнал к революции в России. Герцен и Огарев осенью 1862 г. высказывали представителям «красных» свои опасения насчет того, что слишком ранний взрыв в Польше не поможет, а помешает развитию русской революции. Они считали, что поляки должны подождать до весны 1863 года. Деятели «Земли и воли» были того же мнения, полагая, что самый удобный момент для выступления наступит после 15 марта 1863 г., когда пройдет предусмотренный реформой 19 февраля 1861 г. двухлетний срок и разочарованное русское крестьянство вновь поднимется на борьбу. Для нас в данном случае чрезвычайно интересен тот факт, что предположения Энгельса о ходе восстания шли в том же направлении.

17 февраля 1863 г. Энгельс сообщил Марксу свои соображения относительно возможного влияния польского восстания на события в России: «Поляки — молодцы. И если они продержатся до 15 марта, то по всей России пойдут восстания»²⁸.

Этот прогноз привлекает наше внимание, с одной стороны, меткой оценкой потенциальных возможностей первого повстанческого порыва «красных», который действительно исчерпался во второй половине марта, а с другой — своим совпадением с прогнозами русских революционных демократов, рассчитывавших на новый революционный подъем в России после 15 марта²⁹. Но в июне Энгельс был обеспокоен тем, что «в Велико-россии не начинается крестьянское движение»³⁰. Это последнее обстоятельство, вызывавшее тревогу Энгельса, подтвердило правильность опасений Герцена: слишком раннее, спровоцированное царскими властями в январе 1863 г. начало польского восстания помогло царизму мобилизовать реакцию против русского революционного движения.

Несмотря на неблагоприятный и несогласованный момент начала восстания, русское революционно-демократическое движение самоотверженно поддержало его, смело противостоя шовинистической кампании, объединившей в России откровенную реакцию с либералами.

Своей благородной борьбой в «Колоколе» в защиту поляков А. И. Герцен, по словам В. И. Ленина, «спас честь русской демократии»³¹. Многие русские офицеры и солдаты воевали против царских войск в отрядах повстанцев и сложили головы как герои, скрепив своей кровью революционное сотрудничество обоих народов. После восстания у прогрессивно настроенных поляков сохранились воспоминания о помощи повстанцам со стороны русских «нигилистов» (как тогда называли революционеров 60-х годов). Об этом свидетельствует письмо А. Гиллера писателю Крашевскому (1877 г.).

В это время Гиллер далеко уже ушел вправо от своего повстанческого прошлого. Тем не менее он тепло писал о «дружественности» русских революционеров к Польше, о том, что они относились с уважением к польскому движению, признавая за Польшей право «распоряжаться собой», и «рассматривали поляков как союзников». Он подчеркивал, что из русских друзей «восстанию никто не изменил», а «многие погибли на стороне поляков»³².

Так польские общественные силы вступили в открытую борьбу с царизмом в период общей революционной ситуации. Маркс и Энгельс рассматривали восстание 1863 г. с точки зрения перспектив не только русской, но и немецкой революции. Они надеялись, что это восстание, поддержанное русской революцией, всколыхнет революционные силы в соседней Германии, и прежде всего в Пруссии, переживавшей политический кризис.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 135.

²⁹ М. Нечкина. Н. П. Огарев в годы революционной ситуации. «Известия АН СССР, серия истории и философии», Т. IV, № 2, 1947, стр. 101—102.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 152.

³¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 13.

³² Biblioteka Jagiellońska, Rkps. 6502/IV.

«Будем надеяться, что лава потечет на сей раз с востока на запад, а не наоборот...»³³.

Для Маркса и Энгельса с самого начала была ясна роль, какую сыграет по отношению к польскому восстанию прусская монархия и ее министр Отто Бисмарк. Конвенция Альвенслебена, означавшая откровенный союз Пруссии с царизмом против повстанцев, угроза прусской интервенции в Королевство Польское были для Маркса сигналом к тому, чтобы вновь провозгласить старый пролетарский лозунг «Не может быть свободным народ, угнетающий другие народы».

Для Маркса и Энгельса польское восстание 1863 г. и польский вопрос тесно переплелись с перспективами революционного развития Германии. Восстание в Польше, если бы оно перекинулось на польские земли, захваченные Пруссией, привело бы к отделению этих земель и могло бы в дальнейшем помочь распространению революционного пожара до самого Берлина. Восставшие, изолировав Пруссию от России, лишили бы прусскую реакцию традиционной помощи царизма. Вот почему, как и в 1848 г., поддержка немецким революционным лагерем польского восстания становилась необходимой с точки зрения революционных интересов самой Германии. Маркс писал 24 марта 1863 г. Энгельсу: «Так как существование Польши необходимо для Германии, но невысказано на-ряду с государством Пруссией, то сие государство, Пруссию, надо уничтожить»³⁴.

Интересуясь не только международными последствиями польского восстания, но и его внутренними резервами, классовыми и политическими силами, основоположники марксизма обменивались мнениями по главным вопросам этого движения. Энгельс знакомился с военными кадрами и возлагал большие надежды на «молодую польскую эмиграцию», будучи хорошего мнения о ее возможностях, особенно о ее военно-стратегическом умении вести в польских условиях повстанческую, партизанскую борьбу.

Маркс и Энгельс с пристальным вниманием следили за напряженной борьбой за политическую гегемонию в восстании, желая победы людям, олицетворявшим аграрно-революционную тенденцию. Как известно, для классиков марксизма решающее значение имел вопрос: каковы политические руководители, стоящие у руля революционных событий, каков политический облик людей, возглавлявших тысячи безымянных партизан? Позже В. И. Ленин назвал эту проблему проблемой «субъективного фактора». От него в огромной степени зависел классовый характер, развитие и результат вооруженной борьбы. Данный вопрос приобретал особое значение в связи с тем, что по мере развития событий росли силы контрреволюции. С этой точки зрения главную опасность представлял бонапартизм, который приобрел значительное влияние среди польских демократов уже в предшествующий период, а во время восстания укрепился вследствие лицемерной политики Луи Наполеона.

С особенным беспокойством следили Маркс и Энгельс за интригами и распространением влияния бонапартистов на лагерь «красных». Меро-славского они давно рассматривали как бонапартиста, о чем свидетельствовали его сочинения и политическая деятельность.

«Белых» Маркс и Энгельс с самого начала восстания расценивали как прямую пальмерстоновско-бонапартистскую агентуру. Захват ими руководства восстанием сулил, по мнению Маркса, самые печальные последствия.

15 августа Маркс сообщал Энгельсу, что «польская история совершенно испорчена тем же Бустропой (то есть Наполеоном III.— Ц. Б.) и

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 134.

³⁴ Там же, стр. 140.

влиянием, которое получила партия Чарторыйского благодаря его интригам»³⁵. В этом же письме он отмечал, что «комитеты в Варшаве, Лондоне и Париже целиком находятся под бонапартистско-чарторыйским влиянием»³⁶.

Предвидя уже летом, что повстанцы потерпят поражение, Маркс и Энгельс опасались, что это окажет роковое воздействие на судьбы Польши и будет способствовать победе контрреволюции в Европе, вновь усилив влияние ослабленного Крымской войной царизма.

Поражение польского восстания основоположники марксизма рассценивали как один из факторов наступления реакции в Европе.

Живейший интерес Маркса к судьбам восстания характеризует следующий факт. В сентябре, когда восстание уже догорало, он горячо поддерживал идею организации немецкого легиона для помощи повстанцам и усматривал в ней возможность последний раз попытаться «привести в чувство» немцев и проявить революционную солидарность по отношению к восстанию. Маркс считал, что предприятие это «прекрасно», и огорчался по поводу недостатка средств для его осуществления, намеревался мобилизовать в помощь легиону немецкие союзы в Лондоне, хотел, чтобы Энгельс попробовал сделать что-нибудь для легиона в Манчестере³⁷.

Одновременно Маркс и сам старался предпринять конкретные шаги по оказанию помощи Польше. По его инициативе Лондонский немецкий рабочий просветительный союз создал осенью 1863 г. специальный комитет для сбора денег среди немецких рабочих в Англии, Германии, Швейцарии и в Соединенных Штатах в пользу польских повстанцев. С этой целью было выпущено соответствующее воззвание. Оно содержало оценку отношения к восстанию немецкой буржуазии и рабочего класса и было проникнуто идеей о том, что «польский вопрос — это немецкий вопрос»³⁸. В нем разоблачалось подлинное лицо всех фракций немецкой буржуазии, которая «взирает безмолвно, пассивно и равнодушно на избивание героического народа». Долг рабочего класса Германии, говорилось в воззвании, «перед Польшей, перед границей, и этого требует его собственная честь, заявить громкий протест против немецкого предательства по отношению к Польше... Восстаньте над ней, Польша — вот что должно быть огненными буквами начертано на знамени рабочего класса Германии»³⁹.

В 1863 г., как и в 1848 г., польское восстание разоблачило подлинную политическую сущность немецких либералов. Их трусливое и предательское поведение Маркс и Энгельс предвидели с самого начала восстания. В происходившем тогда конституционном конфликте либеральная оппозиция в своей критике бисмарковской политики, союзнической по отношению к царизму, исходила не из стремления помочь борющимся полякам, а из тревоги за «немецкие капиталы», инвестированные в Королевстве Польском, и страха перед потерями «пруссского кредита, торговли и оборота соответственных пограничных провинций»⁴⁰.

Одну из важных причин неудачи польского восстания, а вместе с тем и ухудшения перспектив революции в Германии вожди пролетариата видели в «подлости немецких либеральных мещан», так как «если бы эти скоты обнаружили в прусской палате больше понимания и мужества, то все могло бы пойти хорошо»⁴¹.

В итоге восстание было подавлено царизмом при недвусмысленной поддержке прусского правительства и позорном поведении прусского «либерального сброда», пресса которого утаивала от народа, что «Пруссия

³⁵ Там же, стр. 162.

³⁶ Там же.

³⁷ См. там же, стр. 165.

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. 1, стр. 390—391.

³⁹ Там же, стр. 390.

⁴⁰ «Sprawy polskie w izbie poselskiej sejmu pruskiego». Poznań. 1863. str. 129, 130

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 149.

непрерывно выдает беглецов из Польши»⁴² при «одобрении, фактическом соучастии западноевропейских правительств».

Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали, что политика западноевропейских правительств по отношению к Польше в 1863 г. была классовой политикой в полном смысле этого слова, политикой европейской буржуазии. С самого начала восстания они отмечали факты, свидетельствовавшие о предательской роли Наполеона III и Пальмерстона по отношению к Польше.

Восстание 1863 г. вспыхнуло и угасло тогда, когда начинался период «образования, роста и возмужания массовых социалистических партий классового, пролетарского состава»⁴³. Польский вопрос доказывал, что наступил момент для выступления пролетариата в качестве международной политической силы; вместе с тем он показал, что осуществлению этой задачи мешает отсутствие международной рабочей организации. Не случайно поэтому несколько месяцев спустя после начала восстания 1863 г. рабочие организации разных стран, в первую очередь Франции и Англии, установили взаимные связи для совместных выступлений в защиту польского революционного движения.

22 июля 1863 г. в Лондон прибыли французские деятели рабочего движения Толен, Лимузен и другие с ответом на составленный перед этим адрес английских рабочих. На митинге, организованном последними в связи с польским восстанием, впервые прозвучали слова о том, что международная организация рабочих стала необходимой⁴⁴.

На следующем большом интернациональном митинге, посвященном польскому вопросу, 28 сентября 1864 г. в Сан-Мартин Холле, где присутствовали представители польских рабочих⁴⁵, было решено создать Международное товарищество рабочих. Позже Маркс и Энгельс отмечали: «Польское восстание 1863 г., вызвавшее дружный протест английских и французских рабочих против международных злодеяний их правительств, послужило исходным пунктом Интернационала, который был основан при участии польских изгнанников»⁴⁶.

Создание I Интернационала диктовалось назревшими задачами международного рабочего движения. Борьба Маркса и Энгельса за создание и оформление I Интернационала совпала по времени с развернувшимся в Польше революционным движением.

В работе Маркса по выработке организационных и политических принципов Международного товарищества рабочих довольно много места, особенно в начальный период (1864—1865 гг.), занимал польский вопрос. Хотя «по сравнению с «рабочим вопросом» подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса»⁴⁷, никакой национальный вопрос вообще, и в данный период особенно польский, не был для Маркса безразличен. Об этом свидетельствует его переписка с Энгельсом и другими.

В 1865 г. Маркс по поручению Интернационала принимал участие в организации митингов в поддержку Польши, целью которых было оказание денежной помощи эмигрантам из числа повстанцев⁴⁸.

Вскоре Марксу пришлось вести борьбу с прудонистами. Сам он отмечал, что в тот период «подлинным нервом всей полемики (с прудонистами.— Ц. Б.) является «п о л ь с к и й в о п р о с»⁴⁹. Так случилось пото-

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 189.

⁴³ В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 263.

⁴⁴ Ср. Ю. Стеклов. Интернационал. М. 1921, стр. 43.

⁴⁵ Подробный отчет о митинге опубликовала 1 октября 1864 г. лондонская газета «Bee-hive», ставшая на первых порах органом Генерального Совета.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 551.

⁴⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 406.

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 259, 261.

⁴⁹ Там же, стр. 319.

му, что прудонисты выступали с реакционной платформой по национальному вопросу. Рассматривая борьбу наций за свободу как реакционный пережиток прошлого, они проявляли открыто враждебное отношение к освободительной борьбе поляков и полностью оправдывали действия русского царизма, заимствуя для этого аргументы у буржуазной реакции.

Серьезное столкновение с прудонистами по польскому вопросу произошло на Лондонской конференции I Интернационала 25 сентября 1865 года. Целью конференции была подготовка первого конгресса Интернационала. При обсуждении повестки дня конгресса резкую оппозицию прудонистов вызвал пункт, который Маркс рассматривал как существенный элемент международной политики пролетариата. Этот пункт предусматривал противодействие в Европе влиянию царизма, которое усиливалось после подавления восстания, и заботу «о воскрешении объединенной и независимой Польши». Прудонисты протестовали против включения этого пункта в программу работы конгресса и критиковали соответствующее место из манифеста, изданного по случаю открытия конгресса⁵⁰.

Благодаря поддержке английских делегатов Марксу удалось сохранить пункт о Польше. Впоследствии нападки прудонистов на Генеральный Совет усилились и приобрели характер яростной атаки по национальному вопросу вообще и по польскому в особенности. В «Tribune du Peuple» и «Echo de Verviers» они поместили ряд инсинуаций по этому вопросу против руководства Интернационала⁵¹.

Предвидя сражение с прудонистами по польскому вопросу на Женевском конгрессе Интернационала в сентябре 1866 г., Маркс, который не мог поехать на конгресс, написал инструкцию делегатам Временного Генерального Совета и специальный ее раздел посвятил Польше. Согласно этой инструкции, делегаты Генерального Совета должны были защищать на конгрессе действия и заявления Интернационала по польскому вопросу. При этом подчеркивалось, что для Центральной Европы и главным образом для Германии «необходима демократическая Польша». «Особенно рабочий класс Германии должен взять на себя инициативу в этом вопросе, потому что Германия одна из участниц разделов Польши»⁵².

Борьба с прудонистами вокруг польского вопроса была теоретически обоснована также и в специальной работе Энгельса. 5 января 1866 г. Маркс переслал Энгельсу статьи прудонистов из «Tribune du Peuple» против Интернационала и поляков и просил его написать ответную статью⁵³. Так возникли известные статьи Энгельса в «Commonwealth», печатном органе Интернационала, под общим заголовком «Какое дело рабочему классу до Польши?».

В этих статьях были снова осуждены европейская буржуазия и немецкое либеральное движение, систематически предававшие каждое польское восстание, и еще раз излагалась позиция I Интернационала, и прежде всего немецких рабочих. Показывая прогрессивный характер польского вопроса и польской освободительной борьбы, Энгельс не затушевывал таких отрицательных черт развития Польши, как антигосударственные анархические тенденции верхушки ее разлагавшегося феодального класса, многонациональный состав старой шляхетской Речи Посполитой и существовавший в ней национальный гнет. При этом Энгельс подчеркивал отличие украинцев, белорусов и литовцев в религиозном, языковом и классовом отношении от польской шляхты, господствовавшей на землях этих народов. Вместе с тем он со всей убежденностью доказывал, что, несмотря на это, польский вопрос был и продолжал оставаться по своему содержанию вопросом революционным.

⁵⁰ Ф. Меринг. Карл Маркс. М. 1934, стр. 340—341.

⁵¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. I, стр. 399—400; т. XXIII, стр. 319.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. I, стр. 203.

⁵³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 319.

Названные статьи появлялись с перерывами с марта до начала мая 1866 года. Они вызвали большой интерес среди революционной общественности, особенно польской. В середине мая Маркс писал, что «здешние поляки ожидают продолжения и bother me [мучают меня] запросами. Вообще статьи обратили на себя внимание»⁵⁴.

Поражение восстания 1863 г. отчетливо показало реакционную роль царизма в Европе. Маркс отметил это в речи, произнесенной в январе 1867 г. на митинге, который был организован Интернационалом и польскими эмигрантами в ознаменование четвертой годовщины последнего восстания. Он подчеркнул, что царизм, поддерживаемый «всеми биржами» и Пруссией, продолжавшей стеречь свою «польскую добычу», является не только врагом польской освободительной борьбы, но также ярким противником грядущей социальной революции в Европе, содержанием которой будет борьба «между рабочими и капиталистами».

Маркс и Энгельс в период революции 1848 г. выдвинули для Польши программу аграрной революции как единственный путь для создания независимого, демократического и республиканского государства. Эта программа в 50-е годы включала в себя также принципиальное осуждение классиками марксизма польских претензий по отношению к Украине и Белоруссии.

В 60-е годы вожди пролетариата рассматривали как решающее условие успеха борьбы польского народа и сохранения ее революционного характера необходимость тесного сотрудничества с созревшей русской революцией, а также с революционной борьбой европейского рабочего класса.

Историческую правоту этих указаний подтверждал тот факт, что как раз в эти годы в польском движении окрепло революционно-демократическое крыло. От революционных демократов 40-х годов его отличает прежде всего то, что оно являлось сознательным, идейно близким союзником русской революционной демократии и рабочего движения. Это направление оформилось в период между восстанием 1863 г. и Парижской коммуной. Носители его — польские левые эмигрантские группы — выработали демократическую программу, в основных вопросах совпадающую с представлениями Маркса о том, какой должна быть польская революционная демократия. Эти группы в тот период переходили также к непосредственному сотрудничеству с I Интернационалом.

В Париже после восстания 1863 г. действовал кружок бежавших от преследований царских властей руководителей левого крыла «красных». Самые выдающиеся из них — Ярослав и Теофиль Домбровские, Валерий Врублевский, Юзеф Розвадовский, Владимир Рожаловский, Август Околович, Юзеф Токажевич и Юзеф Цверцякевич. Находясь во главе демократического «Объединения польской эмиграции», почти все они входили одновременно в Парижскую секцию I Интернационала. Кроме того, они были связаны с А. И. Герценом. Ю. Токажевич был издателем журнала «Głos»; провозглашавшаяся этим журналом программа славянской народной революции была революционно-демократической по своему содержанию и утопически-социалистической по форме и свидетельствовала о влиянии идей Герцена.

Период между восстанием 1863 г. и Парижской коммуной являлся для этого течения периодом необычайно быстрого политического, организационного и идейного развития, которое привело польских революционных демократов на баррикады Коммуны. Развивая программу антишляхетской народной революции и идею польско-русского революционного союза, Я. Домбровский и В. Рожаловский смело защищали права украинского народа на самоопределение. Анализируя происходившую в Европе «борьбу труда и капитала», они выступали на стороне

⁵⁴ Там же, стр. 351—352.

«труда». Не случайно эмигрантская реакция боролась против этих людей⁵⁵.

В Лондоне члены польских левых эмигрантских групп, находившиеся под влиянием Маркса, сотрудничали с Генеральным Советом в организации митингов, посвященных польскому вопросу. Некоторые из них вошли в ряды Интернационала, приняв его программу.

Постоянным членом и сотрудником Генерального Совета в течение многих лет (с 1865 до 1871 г.), а с 1866-го секретарем от Польши был Антоний Жабицкий. С 1865 и до осени 1871 г. подпись Жабицкого фигурирует на документах Интернационала⁵⁶, в том числе и на членском билете Энгельса.

Как известно, в истории Парижской коммуны есть славные страницы, вписанные польскими революционными демократами. В Коммуне участвовали сотни поляков, многие из них до этого были деятелями I Интернационала⁵⁷. Из окружения Врублевского и Я. Домбровского, из эмигрантского «Объединения» вышли те, которых Коммуна поставила во главе обороны Парижа.

Как доказывают новейшие архивные изыскания, главным образом переписка братьев Домбровских⁵⁸, эти люди были не «попутчиками» Коммуны, а ее сознательными бойцами. Они понимали, что в Париже происходит «борьба труда с капиталом». Именно таким образом определяли их участие в Коммуне классики марксизма. В «Гражданской войне во Франции» Маркс писал, что когда Тьер, буржуазия и Вторая империя морочили поляков декларациями о сочувствии, «Коммуна почтила героических сынов Польши, поставив их во главе защитников Парижа»⁵⁹. В другом месте он говорил: Польша в 1871 г. «...дает Парижской коммуне лучших генералов и самых героических солдат». Для военных судов в Версале «достаточно было быть поляком, чтобы тотчас же быть расстрелянным»⁶⁰.

Польские борцы за дело пролетариата были ветеранами восстания 1863 года. Их присутствие на баррикадах Коммуны было многозначительным завершением того течения в национальном движении, взрывающиеся и первые шаги которого Маркс и Энгельс приветствовали в свое время как исключительно важное явление в истории Польши и за судьбами которого они с неослабеваемым вниманием следили в 1846, 1848 и 1863 годах.

В 1875 г., отмечая годовщину восстания 1863 г., Маркс подчеркивал, что «...польский крестьянин, рабочий, — одним словом, каждый не ослепленный сословным интересом поляк, должен понять, что Польша имеет и может иметь в Европе лишь одного союзника — рабочую партию»⁶¹. Предвидя рождение рабочего движения в Польше и останавливаясь на перспективах его роста, Маркс развивал применительно к этой стране свои классические принципы в национальном вопросе. Он говорил, что для пролетариата, для интернациональной

⁵⁵ См. Biblioteka Jagiellońska. Rkps. 6495/V.t. 35, str. 276—277 — письмо К. Домбровского Крашевскому от февраля 1870 года. См. С. Bobińska. Ideologia rewolucyjnych demkratów polskich w latach 60tych XIX w. Warszawa. 1955.

⁵⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII, ч. I, стр. 404 и др.; см. также С. Bobińska. Marks i Engels a sprawy polskie. Warszawa. 1955, 2 wydanie, str. 216.

⁵⁷ Рапорт царского посла Окунева. «Красный архив». Т. II. М.-Л. 1931; К. Wyszowska. Polacy w Komunie Paryskiej 1871. Warszawa. 1957.

⁵⁸ Biblioteka Jagiellońska. Rkps. 6495/V, t. 35; см. также С. Bobińska. Ideologia rewolucyjnych demkratów polskich w latach 60tych XIX w.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I. Госполитиздат. 1952, стр. 485.

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 551.

⁶¹ Там же, стр. 673.

партии борьба за освобождение Польши является сама по себе не абсолютной целью, а необходимым средством для завоевания условий развития внутренних революционных сил, для их победы в классовой борьбе, ибо «пока жизнеспособный народ скован чужеземным завоевателем, он по необходимости направляет все свои силы, все свои стремления, всю свою энергию против внешнего врага; в течение всего этого времени его внутренняя жизнь остается парализованной, и он лишен возможности бороться за социальное освобождение»⁶².

Прошло лишь несколько лет, и подтвердились предвидения Маркса, что вскоре наступит время, когда судьбу польского народа возьмет в свои руки рабочий класс. Когда польские социалисты закладывали основы первой польской революционной рабочей партии «Пролетариат», Маркс и Энгельс в 1880 г. по случаю 50-й годовщины польского восстания обратились к ним со специальным письмом. Дав в этом письме сжатый обзор истории польского освободительного движения с конца XVIII и до конца XIX в. и напоминая о связях поляков с I Интернационалом, они писали: «Итак, за пределами своего отечества поляки сыграли крупную роль в борьбе за освобождение пролетариата, — они являлись его передовыми международными бойцами.

Ныне, когда борьба эта развивается внутри самого польского народа, пусть будет она поддержана революционной пропагандой, революционной прессой, пусть она объединится со стремлениями наших русских братьев; это будет новым поводом повторить старый клич: «Да здравствует Польша!»⁶³.

Таким образом, для вождей пролетариата было само собой разумеющимся, что польский пролетариат рука об руку с русским рабочим классом должен был перемять великое наследство — борьбу за свободу своего народа — и завоевать ее революционным путем.

Работы и письма Маркса в последний период его жизни говорят о том, как много внимания уделял он в то время процессам, совершавшимся в России. Он изучал развитие русского капитализма, русских аграрных отношений. На склоне жизни он предсказывал «русский 1793 год» и передвижение мирового очага революции с Запада в Россию.

Согласие Маркса представлять Русскую секцию в I Интернационале явилось знаменательным свидетельством того, какое большое значение придавал он русскому революционному движению. При этом он требовал от русских, как и от немецких, революционеров интернационалистского отношения к польскому вопросу. Даже нотки пренебрежения или шовинизма по отношению к угнетаемой нации были в его глазах недостойными революционера господствующей русской нации⁶⁴.

В конце XIX в. произошли крупные изменения в политическом облике мира. Необычайно быстро вызревали предпосылки буржуазно-демократической революции в России. Уже в свой начальный период она «затмила» польское движение, как это предсказывал Энгельс 40 лет назад. Одновременно в России развивалось мощное революционное рабочее движение. Сюда передвигался, как и предвидел Маркс, мировой очаг революции. В связи с этим изменилось значение и стратегическое положение польской национально-освободительной борьбы. В. И. Ленин указывал, что с того момента, как «проснулась» Россия, Польша потеряла ту свою международную роль «будителя» Восточной Европы, на которую в свое время обращали внимание Маркс и Энгельс. «Самостоятельные демократи-

⁶² Там же, стр. 672; также «Wici», 1875, № 2.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 551.

⁶⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 347—348.

ческие движения,— писал В. И. Ленин,— и даже самостоятельное пролетарское движение пробудилось в большинстве славянских стран и даже в одной из наиболее отсталых славянских стран, России. Шляхетская Польша исчезла и уступила свое место капиталистической Польше. При таких условиях Польша не могла не потерять своего и с к л ю ч и т е л ь н о г о революционного значения»⁶⁵. Движение 1863 г. не только увенчалось, но и завершило цепь польских восстаний, вспыхивавших на протяжении целого столетия. Обобщая черты новой эпохи, В. И. Ленин доказал, что историческая задача освобождения Польши не потеряла своего смысла, но теперь оно уже непосредственно зависело от успеха русской революции и совместных с ней действий польских революционных сил. Он показал также, что в период империализма польский вопрос и русская революция были связаны иначе, чем в прошлом, что Польша только в том случае могла остаться революционной, если польское революционное движение будет частью русской революции. Эту начертанную Лениным перспективу подтвердила революция 1905 г.: в ходе совместной борьбы с царизмом польский пролетариат выступил бок о бок с передовыми отрядами русских рабочих.

Всесторонне обосновывая теорию пролетарской революции в эпоху империализма, показывая исключительную роль русской революции в сложных условиях XX в., В. И. Ленин последовательно развил то, что в общих чертах наметили Маркс и Энгельс, гениально предвидя будущее по его первым, едва заметным проявлениям в современном им мире.

Полвека назад теоретики польского реформизма пытались доказать, будто Маркс видел будущее Польши исключительно в союзе с западноевропейской демократией и в борьбе с Россией. Поэтому стратегический план Ленина, вытекавший из новой исторической ситуации, из новых исторических процессов и подчеркивавший ведущую и руководящую роль русской революции, в том числе и по отношению к Польше, они объявляли извращением марксизма.

Целью данной статьи было показать, что Маркс, Энгельс и Ленин исходили из одних и тех же методологических принципов при рассмотрении польского вопроса. Этот вопрос для них никогда не являлся самодевятой проблемой, независимой от общественных процессов, происходивших в самой Польше и в окружающем ее мире. Поэтому все те, кто время от времени пытался воскресить в разных формах польский «мессианизм», характерный для середины XIX в., и отделить польский вопрос от его исторических и классовых связей, вырвать его из той международной обстановки, в которой он развивался, провозглашая Польшу вечной «совестью народов» и отбрасывая вопрос о классовой борьбе в этой стране, о классовом характере ее независимости, не могли, конечно, ни понять, ни принять точки зрения вождей пролетариата. Эту глубоко диалектическую и революционную точку зрения поддерживали многие поколения польских прогрессивных и революционных сил. Ее в революционно-демократической форме провозглашали в 30-х годах XIX в. первые непримиримые критики шляхетской измены 1831 г., за нее боролись Домбровский и Врублевский, ее воплощали в жизнь, руководствуясь идеями марксизма, вожди польского рабочего класса. Все они боролись не за абстрактную, а за народную, прогрессивную, социалистическую Польшу.

Уже в период революционного подъема начала 60-х годов в России и Польше Маркс связывал освободительные перспективы последней с русской революцией. С другой стороны, новая расстановка социальных сил в мире в эпоху империализма нашла отражение в ленинском анализе национального вопроса вообще и польского в частности.

Польское национально-освободительное движение, являясь движени-

⁶⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 20, стр. 404.

ем сравнительно развитой буржуазной нации, угнетаемой царизмом, рассматривалось Лениным как одно из важнейших звеньев буржуазно-демократической революции народов царской империи. Если в новую эпоху польский вопрос стал частью революционной борьбы за освобождение угнетенных народов Восточной Европы и Азии, то вместе с тем Ленин высоко ценил борьбу польских рабочих как союзников русской революции и русского пролетариата. Он упорно боролся за то, чтобы естественное стремление поляков сбросить царское иго не разъединяло народные массы Польши и России. Этой цели служили разработка вопроса о праве Польши на самоопределение вплоть до государственного отделения и введение этого принципа прежде всего в программу и стратегию русского рабочего движения. Усматривая единственно возможный путь освобождения польского народа в его совместной борьбе с русской революцией, Ленин считал, что для дела освобождения и для польского рабочего движения пагубны националистические взгляды, господствовавшие в ППС, носители которых, догматически абсолютизируя высказывания Маркса периода революции 1848 г., противопоставляли польское освободительное движение русской революции, подрывали в польском рабочем классе доверие к силам и перспективам революции в России. Одновременно Ленин много и заботливо трудился над тем, чтобы помочь революционному, марксистскому крылу польского рабочего движения правильно решить этот трудный вопрос. Одобрив борьбу социал-демократии Польши и Литвы с польским национализмом и неуклонно проводимую ею политику братского взаимодействия с русской революцией, Ленин учил польских марксистов чутко откликаться на национальные чувства своего народа.

Ленин считал, что правильная политика в национальном вопросе имеет огромное значение для единства, взаимного доверия и совместной борьбы пролетариата и широких народных масс угнетающей и угнетаемой нации. Идеи революционного сотрудничества и братства с революционными силами России оберегали польское рабочее движение от угара буржуазного национализма.

Отношение В. И. Ленина и большевистской партии к польскому вопросу от первых теоретических высказываний до официальных актов Советского государства — это ярчайший пример благородной, единственной в своем роде политики по отношению к угнетенной нации. Основы этой политики заложили уже К. Маркс и Ф. Энгельс в «*Neue Rheinische Zeitung*» в 1848 году.

История решила польский вопрос согласно предвидениям классиков марксизма. Освобождение польского народа от социального и национального ярма стало возможным в результате Великой Октябрьской социалистической революции и революционной борьбы рабочего класса и всех трудящихся масс Польши и других народов Европы, поддержанных международным рабочим классом, против империализма. Но прежде всего независимость Польше принесла победа диктатуры пролетариата на просторах России.